

37.
15.
5.
52

2

~~нет~~

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

и

Θ. И. ТЮТЧЕВА.

2 1/2

Дорогіє друзья!

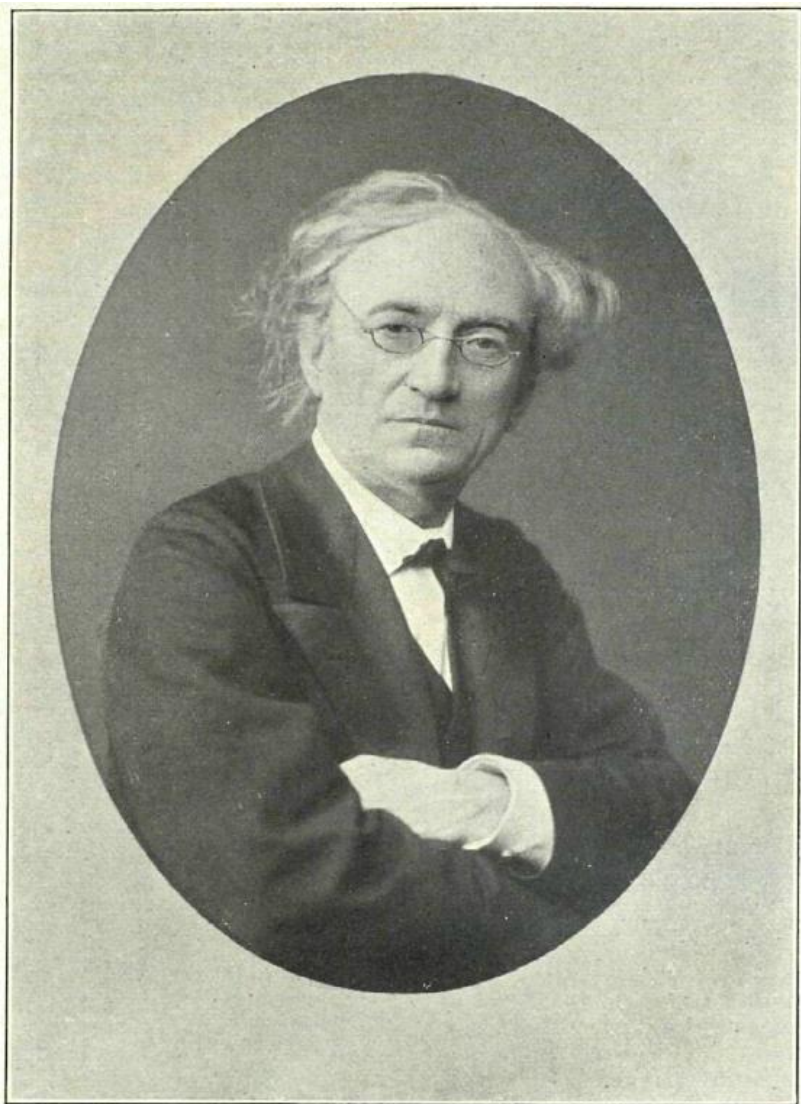
Представляемъ вамъ письмо Федора Ивановича Тютчева «О цензурѣ въ Россіи», направленное къ князю Александру Михайловичу Горчакову.

Письмо говоритъ о происходившемъ во второй половинѣ XIX вѣка поискѣ адекватнаго отношенія къ зарождавшейся въ Россіи ситуаціи съ увеличеніемъ вліянія общественнаго мнѣнія, гласности и свободы журналистики. Въ связи съ этимъ, авторъ предлагаетъ пути, по его мнѣнію, способные минимизировать негативные послѣдствія отъ сложившагося для государства.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ авторской орѳографіи, безъ какихъ-либо измѣненій и правокъ, полностью идентичный изданію отъ 1911 года ¹.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

¹ Тютчевъ, Ф.И. О цензурѣ въ Россіи // Полное собраніе сочиненій / Ф.И. Тютчевъ; Съ Крит.-биогр. очеркомъ В.Я. Брюсова «Ф.И. Тютчевъ», библиогр. указ., примеч., вариантами, факс. и портр.; Подъ ред. П.В. Быкова. – 7-е изд., вновь просмотр. – Санктъ-Петербургъ: Т-во А.Ф. Марксъ, [1911]. – XLVIII, 712 с. – С. 502 – 515.

H. Macomber

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ө. И. ТЮТЧЕВА.

СЪ КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКИМЪ
ОЧЕРКОМЪ В.Я. БРЮСОВА,
БИБЛИО-ГРАФИЧЕСКИМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ,
ПРИМЪЧАНІЯМИ, ВАРИАНТАМИ,
ФАКСИМИЛЕ И ПОРТРЕТОМЪ

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЕ,
ВНОВЬ ПРОСМОТРЪННОЕ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
П.В. БЫКОВА.

ИЗДАНИЕ Т-ва А.Ф. МАРКСЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Артистическое заведеніе Т-ва А.Ф. Марксъ,
Измайл. просп., № 29.

1911

3

О ЦЕНЗУРѢ ВЪ РОССІИ. ПИСЬМО КЪ ОДНОМУ ИЗЪ ЧЛЕНОВЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВѢТА * .

Пользуюсь дозволеніемъ, которое вамъ угодно было мнѣ дать, чтобы повергнуть на ваше благоусмотрѣніе нѣсколько замѣчаній, находящихся въ связи съ предметомъ нашей послѣдней бесѣды. Считаю излишнимъ еще разъ выразить мое сердечное сочувствіе къ той мысли, которую вы соблаговолили мнѣ высказать и (въ случаѣ, если будетъ сдѣлана попытка осуществить ее) увѣрять васъ въ моей твердой готовности содѣйствовать ей, по мѣрѣ моихъ силъ. Но именно въ видахъ удобнѣйшаго достиженія этой цѣли, я считаю себя обязаннымъ прежде всего откровенно объясниться передъ вами относительно моего взгляда на этотъ предметъ. Весьма понятно, что здѣсь вопросъ не въ изложеніи моихъ политическихъ убѣжденій: это было бы ребячествомъ. Въ наше время всѣ здравомыслящіе люди одинаковаго мнѣнія насчетъ политическихъ взглядовъ: одни отъ другихъ разнятся въ мнѣніяхъ только вслѣдствіе большой или меньшей проницательности при сознаніи того, что есть, и при оцѣнкѣ того, чему бы слѣдовало быть. Надлежитъ прежде всего прійти къ соглашенію насчетъ большей или меньшей истины, заключающейся въ этой оцѣнкѣ. И если дѣйствительно (какъ вамъ угодно было выразиться) практической умъ можетъ желать въ извѣстномъ случаѣ только того, что осуществимо по

* Кн. М.Д. Горчакову

отношенію къ личностямъ, то не менѣе достовѣрно и то, что было бы недостойно истинно-практическаго ума желать чего-нибудь выступающаго изъ предѣловъ естественныхъ условій существованія. Но приступимъ къ дѣлу.

Если, среди многихъ другихъ, существуетъ истина, которая опирается на полнѣйшей очевидности и на тяжеломъ опытѣ послѣднихъ годовъ, то эта истина есть несомнѣнно слѣдующая: намъ было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишкомъ продолжительное стѣсненіе и гнеть, безъ существеннаго вреда для всего общественнаго организма. Видно, всякое ослабленіе и замѣтное умаленіе умственной жизни въ обществѣ неизбѣжно влечетъ за собою усиленіе матеріальныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ. Даже сама власть съ теченіемъ времени не можетъ уклониться отъ неудобствъ подобной системы. Вокругъ той сферы, гдѣ она присутствуетъ, образуется пустыня и громадная умственная пустота, и правительственная мысль, не встрѣчая извнѣ ни контроля, ни указанія, ни малѣйшей точки опоры, кончаетъ тѣмъ, что приходитъ въ смущеніе и изнемогаетъ подъ собственнымъ бременемъ еще прежде, чѣмъ бы ей суждено пасть подъ ударами злополучныхъ событій. Къ счастью, этотъ жестокій урокъ не пропалъ даромъ. Здравый смыслъ и благодушная природа царствующаго императора уразумѣли, что наступила пора ослабить чрезвычайную суровость предшествующей системы и вновь даровать умамъ недостававший имъ просторъ. Итакъ (я это говорю съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ),

для всякаго, кто съ той минуты слѣдилъ въ общихъ чертахъ за умственною дѣятельностью въ томъ видѣ, какъ она выразилась въ литературномъ движеніи страны, оказывается невозможнымъ не радоваться счастливымъ послѣдствіямъ этой новой системы. Не болѣе другихъ и я нисколько не желаю скрывать слабыя стороны и подчасъ даже уклоненія современной литературы; но нельзя по справедливости отказать ей въ одномъ достоинствѣ, весьма существенномъ, а именно: что съ той минуты, когда ей была дарована нѣкоторая свобода слова, она постоянно стремилась сколь возможно лучше и вѣрнѣе выразить мнѣніе страны. Къ живому сознанию современной дѣйствительности и часто къ весьма замѣчательному таланту въ ея изображеніи она присоединяла не менѣе искреннюю заботливость о всѣхъ положительныхъ нуждахъ, о всѣхъ интересахъ, о всѣхъ язвахъ русскаго общества. Въ смыслѣ предстоящихъ улучшеній она, какъ и сама страна, озабочивалась только тѣми, которыя были возможны, практичны и ясно указаны, не дозволяя себѣ увлекаться утопіей — этимъ недугомъ, столь присущимъ литературѣ. Если въ борьбѣ, ею предпринятой противъ злоупотребленій, она иногда доходила до очевидныхъ преувеличеній, то слѣдуетъ отнести къ ея чести, что въ пылу преслѣдованія ихъ она въ своихъ мысляхъ никогда не отдѣляла интересовъ верховной власти отъ интересовъ страны, проникнутая твердымъ и честнымъ убѣжденіемъ, что вести войну противъ злоупотребленій значило вести ее въ то же время противъ личныхъ враговъ государя. Мнѣ хорошо извѣстно, что въ наше время весьма часто

подобная внѣшняя личина усердія прикрываетъ весьма дурныя чувства и служитъ къ сокрытію стремленій далеко нечестныхъ; но, благодаря той опытности, которую люди нашихъ лѣтъ не могутъ не имѣть, ничего нѣтъ легче, какъ распознать съ перваго взгляда эти грубыя уловки, и въ этомъ смыслѣ коварство никого не обманеть.

Можно положительно утверждать, что въ настоящую минуту въ Россіи преобладаютъ два господствующія чувства, всегда почти тѣсно связанныя другъ съ другомъ, а именно: раздраженіе и отвращеніе при видѣ законнѣлости злоупотребленій и священное довѣріе къ чистымъ, благороднымъ и доброжелательнымъ намѣреніямъ монарха.

Всѣ вообще убѣждены, что никто сильнѣе его не страдаетъ отъ этихъ язвъ Россіи и никто живѣе его не желаетъ ихъ исцѣленія; но нигдѣ, быть-можетъ, это убѣжденіе не существуетъ такъ живо, такъ цѣльно, какъ именно среди сословія писателей, и обязанность всякаго благороднаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы громко провозглашать, что въ настоящую минуту едва ли въ обществѣ можно найти другой разрядъ людей болѣе благоговѣйно преданныхъ особѣ государя!

Не скрываю отъ себя, что подобная оцѣнка, вѣроятно, можетъ встрѣтить недовѣріе со стороны многихъ лицъ въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего официальнаго міра. Во всѣ времена существовало въ этихъ слояхъ какое-то предвзятое чувство сомнѣнія и нерасположенія, и это весьма легко объясняется спеціальностью ихъ точки зрѣнія. Есть люди, которые знаютъ литературу настолько, насколько полиція въ

большихъ городахъ знаетъ народъ, ея охраняемый, т.-е. лишь тѣ несообразности и тѣ безпорядки, которымъ иногда предается нашъ добрый народъ.

Нѣтъ, что бы ни говорили, но правительству не приходилось до сихъ поръ раскаиваться въ томъ, что оно смягчило въ пользу печати тотъ гнетъ, который тяготѣлъ надъ нею. Но въ этомъ вопросѣ о печати достаточно ли того, что сдѣлано; и, въ виду болѣе свободнаго умственнаго труда и по мѣрѣ того, какъ успѣхи литературы возрастали, — не ощущается ли все сильнѣе ежедневная польза и необходимость высшаго руководства или направленія? Одна цензура, какъ бы она ни дѣйствовала, далеко не удовлетворяетъ требованіямъ этого новаго порядка вещей. Цензура служить предѣломъ, а не руководствомъ. А у насъ въ литературѣ, какъ и во всемъ остальномъ, вопросъ не столько въ томъ, чтобы подавлять, сколько въ томъ, чтобы направлять. Направленіе, мощное, разумное, въ себѣ увѣренное направленіе — вотъ чего требуетъ страна, вотъ въ чемъ заключается лозунгъ всего настоящаго положенія нашего.

Часто жалуются на тотъ духъ непокорности и неповиновенія, который отличаетъ людей нынѣшняго поколѣнія. Въ этомъ обвиненіи заключается значительная доля недоразумѣнія. Можно съ достовѣрностью сказать, что ни въ какую другую эпоху не было столько дѣятельныхъ умственныхъ силъ *не у дѣль* и тяготящихся бездѣйствіемъ, на которое онѣ обречены. Но эти же самыя силы, среди которыхъ возникаютъ противники власти, весьма часто были бы готовы ей содѣйствовать, если бы она выразила расположеніе пріобщить ихъ къ своей дѣятельности и

рѣшительно двинуться впередъ во главѣ ихъ. Именно эта истина, опытомъ дознанная, во многихъ государствахъ Европы способствовала, со времени послѣднихъ революціонныхъ переворотовъ, тому, чтобы измѣнить значительно отношенія правительства къ печати. И здѣсь я позволяю себѣ, въ подкрѣпленіе моей теоріи, сдѣлать ссылку на свидѣтельство вашихъ собственныхъ воспоминаній.

Германія до 1848 года была столь же знакома вамъ, какъ и мнѣ, и вы не можете не помнить, каково было положеніе тогдашней печати относительно германскихъ правительствъ какою горечью, какою неприязнью отличались ея отношенія къ нимъ, сколько тревоги и заботъ она имъ причиняла. И что же! Почему это враждебное расположеніе нынѣ большею частью исчезло и замѣнилось настроеніемъ совершенно инымъ? Потому, что тѣ же правительства, смотрѣвшія на печать, какъ на неизбѣжное зло, которому они ненавидя покорялись, стали искать въ ней вспомогательную силу и употреблять ее какъ орудіе, приспособленное къ ихъ требованіямъ.

Я привожу этотъ примѣръ лишь для того, чтобы доказать, что въ странахъ уже сильно зараженныхъ революціоннымъ духомъ, просвѣщенное и энергическое направленіе всегда найдетъ умы, готовые признать его и слѣдовать за нимъ, хотя вообще я не менѣе всякаго другого ненавижу, въ примѣненіи къ нашимъ интересамъ, всѣ эти мнимыя сближенія съ тѣмъ, что совершается за границу: почти всегда понятія лишь наполовину, они причинили намъ слишкомъ много вреда, чтобы внушить мнѣ желаніе ссылаться на ихъ авторитетъ.

У насъ, благодаря Бога, пришлось бы удовлетворять не совсѣмъ такимъ стремленіямъ; другія убѣжденія, менѣе отжившія и болѣе безкорыстныя, отозвались бы на призывъ правительства. И подлинно, невзирая на недуги, насъ удручающіе, и пороки, насъ искажающіе, въ нашихъ душахъ еще сохраняются (нельзя не повторять этого безустанно) сокровища разумной готовности и преданной умственной дѣятельности, расположенныя ввѣриться сочувственному руководству, способному ихъ оцѣнить и пріютить. Однимъ словомъ, если справедливо то (что уже утверждалось такъ часто), что правительству не менѣе церкви ввѣрено попеченіе о душахъ, то нигдѣ эта истина столь не очевидна, какъ въ Россіи, и нигдѣ также (нельзя въ этомъ не сознаться) подобное призваніе правительства не могло быть такъ легко выполняемо. И потому у насъ встрѣчено было бы съ единомудушнымъ удовольствіемъ и одобреніемъ намѣреніе власти принять на себя, въ ея сношеніяхъ съ печатью, серьезно и честносознанное управленіе общественныхъ умовъ и сохранить за собою право руководить умами.

Но въ настоящую минуту я пишу не полуофициальную статью, а письмо, исполненное довѣрія и откровенности, и странно бы мнѣ было прибѣгать къ оговоркамъ и недомолвкамъ. Поэтому и постараюсь выяснитъ, какъ сумѣю, на какихъ условіяхъ, по моему мнѣнію, правительство могло бы считать себя въ правѣ проявлять подобное вліяніе на умы.

Прежде всего слѣдуетъ взять страну, какова она въ настоящую минуту, погруженную въ весьма

тягостныя и законныя умственныя заботы, между своимъ прошлымъ (правда, изобилующимъ указаніями, но и многими опытами, приводящими въ уныніе) и своимъ будущимъ, преисполненнымъ загадочности.

Затѣмъ слѣдовало бы, по отношенію къ государству, прійти къ тому сознанію, къ которому обыкновенно приходятъ съ такимъ трудомъ родители относительно вырастающихъ на ихъ глазахъ дѣтей, а именно: что настаетъ возрастъ, когда мысль тоже мужаеть и желаетъ, чтобы ее признавали таковою. Такимъ образомъ, для того, чтобы пріобрѣсти надъ умами, достигшими зрѣлости, то нравственное вліяніе, безъ котораго нельзя помышлять о возможности руководить ими, слѣдовало бы прежде всего вселить въ нихъ увѣренность, что по всѣмъ великимъ вопросамъ, которые озабочиваютъ и волнуютъ нынѣ страну, въ высшихъ слояхъ правительства существуютъ если и не совсѣмъ готовыя рѣшенія, то по крайнѣй мѣрѣ строго-сознанныя убѣжденія и сводъ правилъ, во всѣхъ своихъ частяхъ согласный и последовательный.

Понятно, что не слѣдуетъ позволять обществу вмѣшиваться въ обсужденія Государственнаго Совѣта, или опредѣлять, совмѣстно съ печатью, программу дѣйствій правительства. Но было бы весьма существенно, если бы правительство было само настолько убѣждено въ своихъ идеяхъ, настолько проникнуто своими собственными убѣжденіями, чтобы ощущать потребность проявить ихъ вліяніе и дать имъ проникнуть какъ элементу возрожденія, какъ новой жизни, въ самую глубь народнаго сознанія. Было бы необходимо, въ виду тяжкихъ затрудненій

насъ удручающихъ, чтобы правительство сознало, что безъ этой искренней связи съ дѣйствительною душою страны, безъ полного и совершеннаго пробужденія всѣхъ ея нравственныхъ и умственныхъ силъ, безъ ихъ добровольнаго и единогодушнаго содѣйствія при разрѣшеніи общей задачи, — правительство, предоставленное собственнымъ своимъ силамъ, не можетъ совершить ничего, столько же извнѣ, какъ и внутри, столько же для своего блага, какъ и для нашего.

Однимъ словомъ, слѣдовало бы всѣмъ, какъ обществу, такъ и правительству, постоянно говорить и повторять себѣ, что судьба Россіи уподобляется кораблю, сѣвшему на мель, который никакими усиліями экипажа не можетъ быть сдвинуть съ мѣста, и лишь только одна приливающая волна народной жизни въ состояніи поднять его и пустить въ ходъ.

Вотъ, по моему мнѣнію, во имя какого принципа и какого чувства правительство могло бы овладѣть умами и сердцами и, такъ сказать, принять ихъ въ свои руки и вести куда ему угодно. За этимъ знаменемъ они послѣдовали бы всюду.

Считаю излишнимъ говорить, что я вовсе не желаю для этого обратить правительство въ проповѣдника, возводить его па кафедрѣ и заставлятъ его произносить поученія передъ безмолвною толпою. Ему слѣдовало бы сообщить свой духъ, а не свое слово, той прямодушной пропагандѣ, которая творилась бы подъ его сѣнью. И такъ какъ, если желаешь убѣдить людей, первымъ условіемъ успѣха служить умѣнье возбудить ихъ вниманіе къ вашимъ словамъ, то весьма понятно, что эта спасительная пропаганда, для своего

успѣха, должна не только не стѣснять свободу преній, но, напротивъ, стремиться къ тому, чтобы свобода эта была настолько искренняя и серьезная, насколько состояніе страны можетъ это дозволить. Притомъ нужно ли въ сотый разъ повторять слѣдующее столь очевидное положеніе: что въ наше время вездѣ, гдѣ свобода преній не существуетъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ, ничто не возможно, рѣшительно ничто въ нравственномъ и умственномъ смыслѣ? Я знаю, въ какой степени въ вопросахъ подобнаго рода трудно (чтобы не сказать невозможно) придать своей мысли требуемую степень опредѣленности. Такъ, наприимѣръ, какимъ образомъ опредѣлить, что слѣдуетъ разумѣть подъ достаточною мѣрою свободы относительно преній? Эта мѣра, безусловно колеблющаяся и произвольная, весьма часто можетъ опредѣлиться лишь тѣмъ, что составляетъ самую сокровенную, индивидуальную долю нашихъ убѣжденій, и надлежало бы, такъ сказать, узнать сперва всего человѣка, чтобы опредѣлить истинное значеніе, придаваемое имъ словамъ при обсужденіи этихъ предметовъ. Что до меня касается, то я, подобно многимъ, слѣдилъ, въ продолженіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ, за этимъ неразрѣшимымъ вопросомъ о печати, за всѣми превратностями его судьбы, и вы, конечно, согласитесь, что послѣ столь долгаго изученія и наблюденія этотъ вопросъ не можетъ быть для меня ничѣмъ инымъ, какъ предметомъ самой холодной и самой безпристрастной оцѣнки. И потому я не ощущаю ни предубѣжденія, ни неприязни ко всему до него относящемуся; я даже не питаю особенно

враждебнаго чувства къ цензурѣ, хотя она въ эти послѣдніе годы тяготѣла надъ Россією, какъ истинное общественное бѣдствіе. Признавая ея своевременность и относительную пользу, я главнымъ образомъ обвиняю ее въ томъ, что она, по моему мнѣнію, вполнѣ неудовлетворительна для настоящей минуты, въ смыслѣ нашихъ дѣйствительныхъ нуждъ и дѣйствительныхъ интересовъ. Впрочемъ, вопросъ не въ томъ; онъ не заключается въ мертвой буквѣ регламентацій и инструкцій, которыя могутъ имѣть значеніе только для мысли, ихъ оживляющей. Весь вопросъ зиждется на томъ, какимъ образомъ само правительство въ собственномъ сознаніи смотритъ на свои отношенія къ печати? Чтобы выразиться точнѣе, онъ состоитъ въ той большей или меньшей долѣ законности, признаваемой за каждою индивидуальною мыслью.

А теперь, чтобы выйти наконецъ изъ общихъ положеній и коснуться поближе настоящаго порядка вещей, позвольте мнѣ сказать вамъ со всею откровенностью письма вполнѣ конфиденціального, что до тѣхъ поръ, покуда правительство у насъ не измѣнитъ совершенно, во всемъ складѣ своихъ мыслей, своего взгляда на отношенія къ нему печати, покуда оно, такъ сказать, не отрѣшится отъ этого окончательно, до тѣхъ поръ ничто поистинѣ дѣйствительное не можетъ быть предпринято съ нѣкоторыми основаніями успѣха; и надежда пріобрѣсти вліяніе на умы съ помощью печати, такимъ образомъ направляемой, оставалась бы постояннымъ заблужденіемъ.

А между тѣмъ слѣдовало бы принять на себя

рѣшимость взглянуть на вопросъ, каковъ онъ есть, какимъ сдѣлали его обстоятельства. Нельзя предполагать, чтобы правительство не озабочивалось весьма искренно явленіемъ, возникшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и стремящимся къ такому развитію, котораго значеніе и послѣдствія никто въ настоящую минуту предвидѣть не можетъ. Вы понимаете, что я разумѣю подъ этимъ основаніе русской печати за границую, внѣ всякаго контроля нашего правительства. Это явленіе безспорно важное, и даже весьма важное, заслуживающее самага глубокаго вниманія. Было бы бесполезно скрывать уже осуществившіеся успѣхи этой литературной пропаганды. Намъ извѣстно, что въ настоящую минуту Россія наводнена этими изданіями, что они переходятъ изъ рукъ въ руки съ величайшею быстротою въ обращеніи, что ихъ съ жадностью домогаются, и что они уже проникли если и не въ народныя массы, которыя не читаютъ, то по крайней мѣрѣ въ весьма низкіе слои общества. Съ другой стороны нельзя не сознаться, что, за исключеніемъ мѣрѣ положительнo-стѣснительныхъ и тираническихъ, было бы весьма трудно существеннымъ образомъ воспрепятствовать какъ привозу и распространенно этихъ изданій, такъ равно и высылкѣ за границу рукописей, предназначенныхъ къ ихъ поддержкѣ. Итакъ, рѣшимся признать истинные размѣры, истинное назначеніе этого явленія: это просто отмѣна цензуры, но отмѣна ея во имя вреднаго и враждебнаго вліянія, и, чтобы лучше быть въ состояніи бороться съ нимъ, постараемся уяснить себѣ, въ чемъ заключается его сила и чему оно

обязано своими успѣхами. До сихъ поръ, по поводу рѣчи о заграничной русской печати, разумѣются только изданія Герцена. Какое значеніе имѣеть Герценъ для Россіи? Кто его читаетъ? Ужели его соціальныя утопіи и его революціонныя происки привлекаютъ къ нему ея вниманіе? Но среди читающихъ его людей съ нѣкоторымъ умственнымъ развитіемъ найдутся ли двое на сто, которые бы относились серьезно къ его ученію и не считали оно болѣе или менѣе невольною мономанією, имъ овладѣвшею? На-дняхъ меня даже увѣряли, что нѣкоторыя личности, заинтересованныя въ его успѣхѣ, очень искренно убѣждали его откинуть подальше эту революціонную оболочку, чтобы не ослабить вліянія, которое они желали бы упрочить за его изданіемъ. Не доказываетъ ли это, что газета Герцена служитъ для Россіи выраженіемъ чего-то совершенно иного, чѣмъ исповѣдуемая ея издателемъ доктрина? Для чего же скрывать отъ себя, что ему даетъ значеніе и доставляетъ вліяніе именно то, что онъ служитъ для насъ представителемъ свободы сужденія, правда, на предосудительныхъ основаніяхъ, исполненныхъ непріязни и пристрастія, но тѣмъ не менѣе настолько свободныхъ (отчего въ томъ не сознаться?), чтобы вызывать на состязаніе и другія мнѣнія, болѣе разсудительныя, болѣе умѣренныя и нѣкоторыя изъ нихъ даже положительно разумныя. И теперь, какъ скоро мы убѣдились, въ чемъ заключается тайна его силы и вліянія, намъ не трудно опредѣлить, какого свойства должно быть оружіе, которое мы должны употребить для противодѣйствія ему. Очевидно, что газета, готовая принять на себя подобную задачу,

могла бы рассчитывать на известную долю успѣха лишь при условіяхъ своего существованія, нѣсколько подходящихъ къ условіямъ своего противника. Вашему доброжелательному благоразумію предстоитъ рѣшить, возможны ли подобныя условія въ данномъ положеніи, вамъ лучше меня известномъ, и въ какой именно мѣрѣ они осуществимы.

Безъ малѣйшаго сомнѣнія, издатели не имѣли бы недостатка ни въ талантахъ, ни въ усердіи, ни въ искреннихъ убѣжденіяхъ; но, стекаясь на призывъ, къ нимъ обращенный, они пожелали бы прежде всего быть убѣжденными, что они призываются не къ полицейскому труду, а къ дѣлу, основанному на довѣріи, и потому они сочли бы себя въ правѣ требовать для себя той доли свободы, которую предполагаетъ и вынуждаетъ всякое дѣйствительно-серьезное и существенное преніе.

Благоволите взвѣсить, въ какой мѣрѣ тѣ вліятельныя лица, которыя приняли бы на себя основаніе подобнаго изданія и покровительство его успѣхамъ, согласились бы закрѣпить за нимъ известную долю свободы, ему необходимую; и не пришли бы они, быть-можетъ, къ убѣжденію, что, изъ благодарности за оказанную поддержку и изъ особеннаго чувства уваженія къ своему привилегированному положенію, это изданіе, на которое они отчасти смотрѣли бы, какъ на свое собственное, было бы обязано соблюдать еще бѣольшую сдержанность и умѣренность, чѣмъ всѣ другія изданія въ государствѣ.

Но это письмо слишкомъ длинно, и я спѣшу его окончить. Позвольте мнѣ только присовокупить въ

заключеніе нѣсколько словъ, выражающихъ вкратцѣ всю мою мысль: приведеніе въ дѣйствіе того проекта, который вамъ угодно было сообщить мнѣ, казалось бы хотя и не легкимъ, но возможнымъ, если бы всѣ мнѣнія, всѣ честныя и просвѣщенныя убѣжденія имѣли право образовать изъ себя, открыто и свободно, умственную и преданную дружину, на служеніе личнымъ вдохновеніямъ государя? Примите и проч.

Ноябрь 1857 года.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

Издание данной книги осуществляется при поддержке Благотворительного фонда восстановления церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (<http://xram-v-yazvichax.ru>), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровёнковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трѣхъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли ещё десятки подобных сёл и деревень.

Сейчас в близлежащих к храму деревнях вместо семисот человек, о чём сказано выше, проживает около тридцати. Лишь летом съезжаются дачники и местность как-то оживает.

В Язвицах остался только один дом, в котором проживали священнослужители, да и тот давно непригоден для жилья.

А храм стоит – поруганный, осквернённый, но величественный – и ждёт...

Почему такое произошло? Как вернуть в те прекрасные места людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположений, но мы считаем, что сначала надо приступить к реставрации храма. И затем всё вернётся, т. е. в тех местах появится вера, без которой не может жить ни теист, ни атеист.

С 2011 года мы начали реставрировать наш храм. За это время вынесли мусор, застелили временные полы, закрыли плёнкой окна. Ввиду того что здание церкви является памятником архитектуры, приступили к разработке научно-проектной документации.

Если Вы имеете возможность помочь нам в деле восстановления храма, то просим Вас перечислить посильное пожертвование на реквизиты нашего фонда:

Расчётный счёт получателя: 40703810655100000343 в
Съверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи»,
Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ восстановления церкви Святой Троицы
въ Язвицахъ.

Счётъ Банка получателя: 30101810500000000653.

БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвование.

Съ вопросами Вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

